

Романов Алексей
(лидер гр. "Воскресенье")

28.3.00

МК Бутик-2000 - 28 мая - с. 17

Илья Лещинский/РИА "Фотокор"

Алексей РОМАНОВ: «Мои сокамерники меняли хлеб на анальгин»

Влад КОВЛЕЙСКИЙ

Арест Алексея Романова — лидера и основателя группы "Воскресенье" — многие считают апогеем борьбы коммунистического режима с ненавистными самостоятельными ВИА. В 1983 году Романову было предъявлено обвинение в незаконном предпринимательстве. Ему инкриминировали организацию концертов "Воскресенья" на государственных площадях и мощностях (правда, других, собственно, и не было) и присвоение вырученных за билеты денег. Уголовное дело основывалось, главным образом, на косвенных уликах. Возможно, если бы речь шла о торговле пирогами или частном извозе, суда бы не состоялось: дело развалилось бы еще на стадии следствия. Но здесь речь шла о музыке, чуждой социалистическому обществу...

— **Насколько обоснованным было обвинение?**

— Слушайте, был бы человек — статья найдется. Это старый советский принцип. Статья называлась "частное предпринимательство с использованием государственных средств" — концертных залов то есть. В конце концов выяснилось, что я единственный, кто в этом виноват и кому перепали деньги. По крайней мере, так значилось в обвинении.

— **Как вас арестовали? Приехали домой?**

— Нет, меня вызвали повесткой. Дело в том, что дама-следователь, которая вела это дело, до этого несколько дел завалила. Какие-то ее покровители, как я понял, дали ей карт-бланш. Была масса процессуальных нарушений. Не было никакой необходимости брать меня под стражу. И уж тем более — девять месяцев держать в Бутырке. Конечно, я зря там провел время. Но со скуки не умирал. Очень интересные ребята попались.

— **За что сидели сокамерники?**

— Там было несколько профессиональных квартирных воров и убийца. Пока я сидел, в камере было от четырех до семи человек. Иногда даже приходилось спать на полу. Но такого, чтобы спать по очереди, как сейчас, тогда не было. Бутырка вообще считалась приличным заведением: там не было насекомых и кормили лучше, чем в других тюрьмах. По крайней мере, так говорили бывалые люди.

— **Драться не приходилось?**

— Упаси Господь! Нет, может, мне повезло, но вообще существует своего рода внутренняя этика. То есть — не мешать друг другу сидеть. Это и так личное несчастье для каждого, а усугублять это еще и каким-то хамским отношением... Так что там не принято грубить и материться — можно огрести. Мы там забавно проводили время с уркаганами. Они делали из хлебного мякиша клейстер, типа пластилина. Из него делали всякие штатуйки, фигурки, распятия и меняли на анальгин у коридорных. Еще играли

в "монополию". Рисовали дензнаки сами, раскрашивали.

— **Потом был суд...**

— Да, это тот еще был цирк. Судья не нашел никакого криминала и в панике побежал советоваться в прокуратуру. А там ему сказали, что процесс обязательно должен пройти. Поэтому меня все-таки осудили. На 3,5 года с конфискацией. И отправили в Серпуховскую тюрьму. А там буквально за несколько дней до моего приезда была попытка побега. Милиционеры вдвоем зашли в камеру, хотя по правилам тот, что с ключами, должен стоять в коридоре. Их скрутили, отобрали ключи, открыли ларек, набрали всяких конфет и сигарет... Когда бунт усмирили, всех заключенных поставили в коридоре на колени и били деревянными молотками по спинам и головам.

— **Сколько вы провели на зоне?**

— Где-то полтора месяца. Я написал кассационную жалобу, и областной суд уже пересмотрел дело. Но для того чтобы не подрывать репутацию органов, мне просто изменили приговор, применив отсрочку на два года.

— **Было хуже, чем в Бутырке?**

— Все было по-другому. Там было очень много местных, причем как среди заключенных, так и среди охраны. Поэтому отношения там были, можно сказать, соседские. Вообще это своего рода романтика. Тюрьма представляла собой старинный замок, чуть ли не XVII века, своды, толстые стены, невероятные окна, решетки.

— **Чем кормили?**

— Ну кормили — и ладно. В основном — капуста, перловка. Еще "братская могила" — маленькие-маленькие рыбки в каком-то непонятном соусе в виде подливки на пресную картошку.

— **Чем вы занимались в тюрьме?**

— В Серпухове я вышел на т.н. подработку, то есть не сидел в камере с зеками и ждал своей участи, а пристроился придурком при клубе. Там заглавляли новый корпус строить, а я по образованию архитектор. Делал им какие-то чертежи. По крайней мере, можно было свободно передвигаться по территории, даже звонить в Москву.

— **Прошло уже много лет. Как вы считаете сейчас, вас посадили за музыку или за деньги?**

— Я не могу точно утверждать, что здесь была какая-то идеологическая подоплека, что мы подрывали какие-то устои. Мы просто брали деньги за концерты, которые кто-то устраивал. Концерты были нужны, люди платили за них, а нам, соответственно, нужны были средства. Человеческая память вообще так устроена, что выбрасывает все плохое. Как знать, что было бы сейчас, если бы не то испытание...

201